
В умах людей

Дарвин и новый мировой порядок

◆◆◆
Йен Тэйлор

<http://www.creationism.org/russian/>

"In the Minds of Men" - Russian Edition

Ian T. Taylor - ©2000

www.crimea.com/~creation

www.creationism.org/crimea/

west.crimea.com/~creation

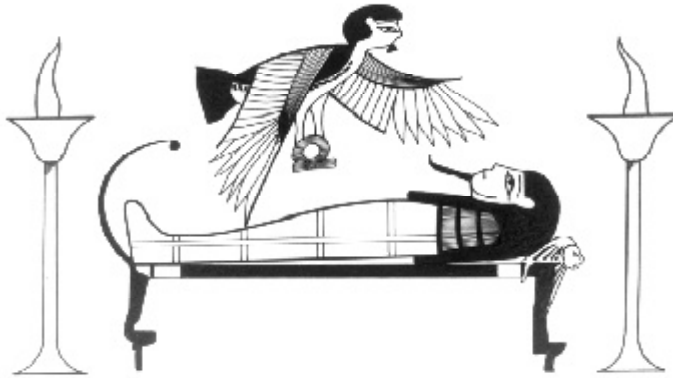
ОТКРОВЕНИЕ, РАЗУМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Чтобы заставить любого здравомыслящего человека поверить в чудеса, на которых зиждется христианство, потребовалось бы бесспорное тому доказательство, ибо чем больше мы знаем о непреложных законах природы, тем более неправдоподобными становятся чудеса

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН (1876)
(См. Барлоу - Barlow, 1958, 86)

Черный дым и пламя погребального костра оббивали бледное тело того, кто еще двенадцать дней назад был храбрым юным солдатом, защищавшим в бою свой город. Армений, потерявший сына, безучастно смотрел на бранные остатки своих надежд. Вдруг тело сына шевельнулось в порыве к жизни, приподнялось среди языков пламени и исторгло крик: “Не бойся, я должен тебе многое рассказать”. И он рассказал. И история сохранила рассказ Эра о том, как его душа рассталась с телом, побывала на том свете, а затем была отправлена обратно, чтобы поведать об увиденном и услышанном; рассказ этот можно найти в конце великого диалога Платона “Государство” (Plato, 1974, 447)¹.

Этот явно чудесный случай не единичен: современные примеры подобных чудес приводит специалист по сердечно-сосудистым заболеваниям Роулингз (Rawlings, 1978). Он говорит, что современные средства реанимации возвращают все больше и больше людей к жизни из этого сумеречного клинического состояния между жизнью и смертью, причем одни вернувшиеся рассказывают о небесных ощущениях, другие же — об ужасах. Какими бы впечатляющими ни были эти рассказы, подробный пересказ их в нашем контексте был бы неуместен. Но можно сделать два заключения. Во-первых, пережитое тем, кто якобы вернулся из царства смерти, не может быть ничем подтверждено. Ведь этот опыт не может быть воспроизведен и изучен в лаборатории. Более того — он вообще недоступен постороннему. И, во-вторых, так как подтверждения быть не может, то приятие или полное неприятие таких рассказов

Древние египтяне верили в бессмертие души. Душа Ани в образе птицы Ба посещает свое мумифицированное тело. (По иллюстрации к расшифровке 89 Египетской Книги Мертвых; Кэти Стивенсон.)

Другими лицами становится вопросом их доверия, поскольку свидетельство лишь одного очевидца невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Разумеется, чтобы поверить подобному рассказу, необходимо доверие к самому рассказчику. Несомненно, скептицизм, как правило, возрастает по мере удаления рассказа во времени и пространстве от его источника. Тем не менее, судя по историческим документам, человечество всегда делится на два лагеря: на готовых поверить в недоказуемое — например, в возвращение человека к жизни после физической смерти, и на требующих доказательств, прежде чем поверить. Эти последние обычно в меньшинстве, но их лагерь в какой-то степени пополняется теми, кто еще не выработал своего мнения.

Но стоит лишь занять позицию веры в эту недоказуемую концепцию, как все усложняется. По существу, вера реально допускает, что существует нечто, пока еще недоступное человеку для исследований. Далее — из рассказов, подобных приведенному Платоном, следует еще два момента. Первый — то, что в ином мире каждая душа “подотчетна” Высшему Существо в делах, совершенных в течение земной жизни. Последователи зороастризма в Персии, например, верили в загробное существование и говорили о будущем воскресении мертвых и суде. Идея воздаяния и наказания в иной жизни не только распространена во всем мире, но и была вполне обычной на протяжении всей истории (Дюран — Durant, 1954, 1:371). Второй момент — то, что Высшее Существо, по-разному называемое: то Божественным Духом, то Создателем, — это Великий Разум, и результатами его деятельности являются замысел, сотворение и под-

Египтяне верили в суд после смерти. Сцена суда, изображенная на папирусе Хунефера, показывает, как душа в виде сердца уравнивается страусовым пером. (По иллюстрации к расшифровке 306 Египетской Книги Мертвых; Кэти Стивенсон.)

держание Вселенной, включая Землю и ее обитателей. Эта вера известна как “религия”; она имеет множество форм, но на протяжении всей истории она основывалась на доверии к свидетельствам тех, кто вернулся из состояния, подобного смерти. Зная, что есть много видов верований, следует четко представлять себе, что любое такое свидетельство — это не доказательство; а до тех пор, пока не получено доказательство, необходима вера.

Другой лагерь, отвергающий рассказы об опыте загробной жизни, обычно подкрепляет это таким доводом: поскольку предполагаемое сверхъестественное недоступно для исследования — не воспроизводимо и не наблюдаемо, — то целесообразно либо занять позицию отсутствия мнения, либо, более того, решительно отвергнуть эту проблему в целом. В этом случае свидетельства отдельных лиц обычно объясняют с позиций логики как образы, самопроизвольно возникающие при состояниях, подобных смерти. В действительности же при этом подразумевается, что вообще все недоказуемые представления о сверхъестественном, включая Высшее Существо, выполняющее роли Автора замысла, Создателя и Судии, на самом деле являются заблуждениями. Как будет показано в заключительной главе, те, кто формально держится этого утверждения, фактически сделали его символом веры своей религии. Более-менее

общепринятому признанию наличия замысла в природе, традиционно предполагающему существование Творца, сторонники этой позиции также противопоставляют логические натуралистические объяснения, выдаваемые за непреложные законы природы. Чарльз Дарвин высказал именно такие взгляды и был совершенно неспособен допустить возможность чудесного (божественного) вмешательства в эти непреложные законы. Такого же мнения, приводящего к полному непризнанию всех недоказуемых библейских событий — от непорочного зачатия до сверхъестественного сотворения мира — придерживались и некоторые до Дарвина, и многие после него.

С целью отрицания всего чудесного предлагаются различные естественно-научные объяснения; но, как будет видно из следующих глав, часто они фактически ничего не объясняют. Например, мысль об одномоментном происхождении Вселенной, выдвинутая сторонниками популярной теории Большого Взрыва, не объясняет, откуда же изначально появилось само высокоорганизованное первичное яйцо, прежде чем взорваться. Действительно, при решении вопросов о происхождении различных явлений нашего мира существенное значение имеет вера в предложенные объяснения, поскольку нет ни очевидцев того, что фактически происходило, ни возможности воспроизведения данного события в лаборатории. Тем не менее тем, кому трудно принять на веру идею чудесного, объяснения, основанные на логике, приносят известное интеллектуальное удовлетворение.

Откровение и вера

Вернемся, как к примеру недоказуемого события, к рассказам тех, кто вернулся к жизни из состояния, близкого к смерти. У нас есть неопровержимое свидетельство того, что наши самые далекие предки на заре человеческой истории верили в существование после смерти. Неандертальцы хоронили своих умерших вместе с цветами и украшениями, что говорит о вере в некую загробную жизнь. От Древнего Египта до Тибета, от Вавилона до Китая людьми владела твердая убежденность в жизни после смерти, сохранившаяся до наших дней в религиях — иудаизме, исламе и христианстве. По-видимому, не приходится сомневаться в том, что с древнейших времен люди верили в загробную жизнь повсеместно.

Возникает законный вопрос о том, как впервые возникла эта вера и почему она повсеместна. Ведь, несомненно, она имеет какое-то прочное основание, а не просто возникла в результате досужих размышлений. Логично предположить, что эта вера была вызвана и укреплялась на протяжении всей истории теми, кто вернулся к жизни из смерти или из близкого к смерти состояния и рассказал об

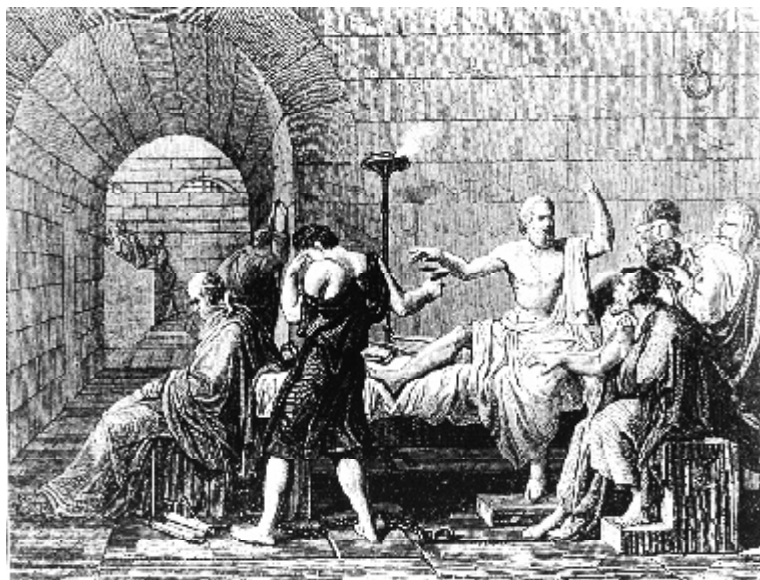
пережитом. Один из таких примеров — пересказанный Платоном рассказ Эра. Если это верно, то можно утверждать, что рассказы эти содержат сокровенные знания, недоступные нашим обычным чувствам. Библия, священная книга иудеев, христиан и мусульман, может поведать многое о вечной природе человеческой души, и в ней тоже повествуется о девяти случаях воскресения из мертвых².

Хотя эти события — одно из наиболее впечатляющих библейских откровений, существуют и другие, имеющие столь же важное значение, — от происхождения Вселенной и человечества в первых главах до нашей конечной судьбы в последней главе. Все эти знания могут быть получены только через откровение — они недоступны нашему обычному восприятию и должны восприниматься на веру. На протяжении всей истории принятие или непринятие этого откровения было одной из коренных причин разделения человечества. Это разделяло древнегреческих философов. Это же разделяло Европу в эпоху Реформации. Это же продолжает разделять людей в наши дни, поскольку всегда существуют как верящие и живущие своей верой, так и другие, тщетно ожидающие доказательств, которых нет³.

Древнегреческое наследие

В совокупность человеческий знаний нашего Западного полушария большой вклад внесли древние греки, и именно они заложили фундамент многого из унаследованного нами. Остальная часть этого фундамента была взята у древнего народа Израиля и образует иудеохристианскую часть нашего наследия; в данной главе об этом будет сказано более подробно. Древнегреческие мыслители в большей степени, чем, скажем, арабские или египетские, являются создателями комплекса наших западных представлений по двум причинам. Во-первых, древние греки выдвигали свои идеи в форме, которую мы воспринимаем как весьма рациональную и логичную, и, во-вторых, их записи дошли до нас в доступном прочтению виде. Ведь и египетская иероглифика, и вавилонская клинопись были открыты и расшифрованы лишь в последние полтора столетия.

Из древних греков философскую традицию Запада формировали Сократ, Платон и, в особенности, Аристотель. Сократ (пятый век до Р.Х.) был великим учителем, разработавшим метод вопросов и ответов, который с тех пор известен как метод Сократа. Все, что нам известно о Сократе, дошло до нас через его учеников — Платона и Ксенофонта. Сократ глубоко верил в то, что миром управляет единый Божественный Дух, а душа человека бессмертна и ей предстоит суд и возмездие в ином мире. Несомненно, его вера была результатом убеждения в том, что ему адресует свои наставления

Смерть Сократа. Сократ (469—399 г. до н. э.) обличал тщеславие софистов и разоблачал ошибочность их доктрин, развенчивая глупость поклонения древних греков многочисленным богам. Французский художник Жак Луи Давид, изобразивший эту всемирно известную сцену, передал последние минуты Сократа. Погруженный в размышления, он говорит своим ученикам о бессмертии души, а ему в это время подносят чашу с болиголовом. (Рисунок с картины, выполненный У. Куком, 1807; Библиотека “Метрополитен”, Торонто).

божественный голос (А. Э. Тейлор — Taylor, A. E., 1975, 45)⁴. Однако, излагая ученикам свои взгляды, он поднимал много опасных вопросов, бросавших вызов политеистическим верованиям (т. е. многобожию) того времени. Власти предрержащие обвинили его в развращении молодежи и приговорили к отравлению цикутой. Таким образом, его, вероятно, сделали козлом отпущения за политические неурядицы тех дней. Со времени Сократа положение изменилось ненамного, хотя чаши с ядом больше никому не предлагают.

На Платона, ученика Сократа, произвела глубокое впечатление уверенность учителя в определенности своей судьбы, проявленная перед лицом смертного приговора (Треденник — Tredennik, 1962, 99). Унаследованная Платоном вера в загробную жизнь возросла десятилетие спустя, когда он посетил пифагорейцев в Южной Италии. Пифагорейцы также верили в загробную жизнь. Возможно, именно от них Платон услышал рассказ о юноше Эре. Во времена Платона обычной формой социального устройства были города-государства. Наблюдая общую анархию и коррупцию не только в

своем родном городе Афинах, но и в других странах, Платон пришел к выводу, что никто не работает ради общего блага. В своем диалоге “Государство” он изобразил картину идеального города-государства, управляемого философами (мудрецами).

Описанное Платоном было принято некоторыми педагогами в качестве модели Утопии. С целью наставления будущих поколений на путь, ведущий к этой благородной цели, изучение диалога Платона “Государство” давно сделали обязательным в программах обучения гуманитарным наукам. Философ-атеист Бертран Рассел (Russell, В., 1949, 30) отмечал, что Советская Россия как государство ближе всех к принципам Платона, но если это так, то “Государство” Платона ратует за рабство для всех, кроме немногочисленной элиты. Однако внимательное прочтение “Государства” позволяет увидеть, что вся эта предлагаемая система строится на достоинствах ее правителей. Платон высказывал сомнения в том, что на Земле когда-нибудь появится идеальное общество, но верил в существование его модели на небесах (Plato, 1974, 420)⁵. Он пришел к заключению, что “лучше пусть каждое живое существо будет во власти божественной мудрости”, чем все люди будут “друзьями и равными” (Plato, 1974, 418).

Включение Платоном в диалог “Государство” рассказа об Эре и бессмертии души на первый взгляд может показаться неуместным для политического трактата, но следует понять, что его гражданское Государство представляет собою лишь временную форму вечного города-государства, которая, как он считал, существует в мире ином⁶. Поэтому в нашем мире такое идеальное государство было бы возможным, лишь если бы его населяли идеальные люди, сознающие, что каждая человеческая душа ответственна не только перед самой собой, но и перед Богом. Только при этих условиях возможно существование добродетельных правителей. Из этого видно, что Платон — отнюдь не левый либерал, каким хотели бы его считать некоторые приверженцы земной Утопии (Plato, 1974, 51)⁷.

Больше чем за тысячу лет до Платона древний народ Израиля также столкнулся с концепцией правления свыше и в итоге примерно в 1050 г. до Р. Х. назначил царя Саула править над ним в соответствии с ниспосылаемой божественной мудростью. Это было началом божественного правления царей — правления по откровению, впоследствии переданного иудеохристианству. И иудеохристианские общества все еще сохраняют следы правления этого типа. Однако печальная хроника свидетельствует о том, что правители слишком часто нарушали тонкую границу между откровением и человеческими рассуждениями, между божественным водительством и диктатурой. В следующих главах будет показано, как мечта об

идеальном государстве, вроде описанного Платоном, развивалась вместе с рационалистическими научными взглядами и в итоге получила реальное воплощение — если не фактически, то номинально — в обществах, образовавшихся в результате революций во Франции, в России и в Китае.

Платон основал первое подобие университета, но это было сделано на базе уже существовавшей практики посвящения себя образованными людьми обучению молодежи. Эти учителя известны как “софисты”, что значит “мудрецы”. Но с годами они отточили свое искусство побеждать в спорах вне зависимости от того, была ли в их аргументах хоть для истины: зачастую вся сила аргумента заключалась в чистой риторике. Поэтому слово “софист” приобрело значение “обманщик, мошенник”, подразумевающее и “изошренность”. Слова, подобные этим, наводят на подозрение, что между обманом и мудростью мира есть нечто общее. Одним из ведущих софистов эпохи Платона был Протагор (пятый век до Р. Х.). В полную противоположность Сократу и Платону, Протагор не мог поверить в сверхъестественный мир с бессмертными душами и Божественным Существом. В его понимании мерой всего является человек, и Платон (Plato, 1970) в воображаемом диалоге между Протагором и Сократом ловко обыграл противоречия между этими двумя противоположными верами — теистической и атеистической. Взгляды Протагора нитью проходят через всю историю и, как будет показа-

Аристотель (384—322 до н. э.) свел роль Бога до роли отсутствующего помещика. (Гравюра Леру со скульптуры Висконти; Медицинская академия, Торонто.)

но в заключительной главе, наконец подобно грибам прорастают в гуманизме двадцатого века.

Еще более значительное влияние на западное мышление оказал Аристотель. Целых двадцать лет он был учеником Платона и, вполне естественно, сначала разделял его идеи. В то время он верил в бессмертие души и придерживался монотеистической позиции (т. е. верил, что существует лишь один Бог), подобной вере Платона в существование Божественного Духа. Позднее, работая на Александра Великого (Македонского), Аристотель накопил огромную массу знаний, которую ему удалось успешно систематизировать по собственной схеме. Он написал много работ по логике, метафизике (богословию), натурфилософии (в наши дни это биологические и геологические науки), этике, политике и даже поэзии, рационализируя и подчиняя все принципам своей упорядоченной системы. В течение этого периода явно выраженного рационализма Аристотель стал склоняться к механистическому видению мира; поколебалась его вера в недоказуемое бессмертие души, а с нею — и вся идея божественной мудрости и откровения человеку.

С утратой веры в жизнь после смерти вывод напрашивался сам: если душа не бессмертна, то она должна умирать и поэтому не отделяться в момент телесной смерти, а исчезать с бренными останками. Представления древних греков об этом были схематичными и не единообразными, но в любом случае трудно сказать, что они оставляли какую-то надежду. Вера Сократа в Божественный Дух, глубоко вовлеченный в дела природы и людей, стала для Аристотеля лишь первичной движущей силой, которая привела все в движение, а затем, подобно отсутствующему помещику, предоставила все самому себе. Аристотель признавал, что в живом мире существует великий порядок, который можно представить в виде *scala natura* — живой лестницы — от мельчайшей твари внизу до первичного движителя вверху. Таким образом, Аристотелю было трудно уверовать в то, что некий единый разум мог день за днем направлять все происходившее (Aristotle, 1965). Он пришел к выводу, что все живое, даже отдельные органы, Создатель наделил телеологическим принципом, или заложенной целью, и поэтому на протяжении всего времени каждый орган развивался по определенному плану. Примечательно, что либеральные комментаторы — такие, как Балм (Balme, 1970), — это отрицают и подчеркивают, что Аристотель имеет в виду случайность, преувеличивая тем самым предпосылки эволюционной теории. Однако при внимательном прочтении “Физики” Аристотеля становится очевидно, что он явно исключает случайность как фактор, действующий во благо природе (Aristotle, 1961). Приписав природе целесообразность, Аристотель придал ей самой

признаки божества, и каким-то неявным образом это задало направление тенденции людей полностью персонифицировать и даже обожествлять саму природу. Историк Хойкаас (Hooykaas, 1972) показал, что Чарльз Дарвин постоянно приписывал природе признаки личности в утверждениях типа: “естественный отбор с непогрешимо безошибочным мастерством выбирает наилучшие разновидности” (с.18). Подобные замечания даже вызвали упреки его друга Чарльза Лайеля; но все это далеко от нашей нынешней темы — греческих философов — и поэтому откладывается до четырнадцатой главы.

В конце концов огромная тяга Аристотеля апеллировать к рассуждениям, основанным на реальном опыте и систематических исследованиях, привела его к отказу от платоновской концепции познания через откровение. В этом он разделял ранние взгляды Эмпедокла (пятый век до Р. Х.), согласно которым знание приобретается исключительно посредством пяти чувств человека — слуха, зрения, прикосновения, вкуса и обоняния. Хотя эта позиция совершенно логична для физического мира, она существенно ограничивает область познания рамками физического мира и отрицает любое другое измерение. Платон признавал еще один канал восприятия — непередаваемое шестое чувство, позднее охарактеризованное психологом Уильямом Джеймсом (James, 1902, 371) как состояние знания, который невозможно описать обычным языком.

Демокрит (умер в 362 г. до н. э. и, вероятно, был современником Левкиппа). Его философская система отрицала Создателя и наделяла случайность созидательной способностью. Обладая умом и здоровьем, он высмеивал менее удачливых. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Хотя работа Аристотеля апеллировала к разуму, она была основана во многом на рассуждениях и в меньшей степени — на рекомендовавшихся им самим наблюдениях и экспериментах. И хотя он критиковал теорию Эмпедокла, согласно которой вся материя состоит из четырех элементов: огня, воздуха, воды и земли, а каждый из них наделен двумя из основных четырех основных свойств: тепло, холод, влажность и сухость, написанное Аристотелем сохранилось, что и привело к господству этой бессмыслицы и к задержке прогресса науки с IV века до Р. Х. по XVII век н. э. Ретроспективно можно видеть: это произошло в основном потому, что, на первый взгляд, такие объяснения казались весьма разумными.

К наиболее отдаленному периоду греческой истории — четвертому веку до Р. Х. — восходят взгляды Демокрита, которого считают основателем (или же сооснователем — вместе с Левкиппом) школы атомистической философии. Взгляды Демокрита опирались на учение о том, что Вселенная состоит из громадного количества механически сочетающихся атомов. Это вполне современно звучащая концепция физического мира описывала его как функционирующий случайным образом, не оставляя места для вмешательства сверхъестественных сил. После основания этой философии Эпикур, современник Аристотеля, признал, что случайные события не могут происходить в статических условиях. Он предположил, что жизненно важным фактором является движение. Таким образом, слепому случаю была придана способность созидать. В последующих главах мы увидим, что в теории эволюции место этого случайного движения занял естественный отбор. Впоследствии Эпикур провозгласил, что вера в сверхъестественное — глупый предрассудок, а искоренение этой веры разом освободило бы людей и общество и от предрассудка, и от представлений о божественном вмешательстве. Он говорил, что для мудрого управления жизнью следовало бы отказаться от религиозных представлений и опираться на гораздо более надежные свидетельства, получаемые пятью человеческими чувствами. Так возникла эпикурейская философия.

Позже и в другом месте, в Риме, когда греческая империя уже разрушалась, красноречивый Лукреций Кар (99—55 гг. до Р. Х.) объединил идеи Демокрита и Эпикура в своей монументальной поэме “*De Natura Rerum*” — “О природе вещей”. В чисто механистическом и атомистическом мире Лукреция не было места для сверхъестественного измерения и божественного вмешательства. Все было подчинено неумолимым законам случайности и природы. Несмотря на то, что Лукреций явно отрицал Божество, он все же начал свое сочинение с молитвы-посвящения созидательной силе природы, персонифицированной в образе богини Венеры, матери основателя рим-

ского народа (Lucretius, 1951, 27). Это классическое латинское произведение хранилось в виде лишь нескольких драгоценных свитков вплоть до изобретения в пятнадцатом веке печатного станка. Оно стало обязательным в учебных программах, сначала — на латыни, а затем появился и перевод на английский. В наши дни оно по-прежнему входит в списки обязательной литературы для многих курсов гуманитарных наук.

Итак, преобладавшие у древних греков взгляды, позднее принятые римлянами, делились на два лагеря. Теисты, представленные Сократом и Платоном, верили в сверхъестественные откровения вроде рассказов вернувшихся к жизни. Таким образом, они верили в бессмертие души и в Божественное Существо. Некоторые другие, например, Протагор, были абсолютными атеистами, однако многие, подобно Аристотелю, принимали Бога, но отрицали откровение и бессмертие души (Блэкхем — Blackham, 1976). В семнадцатом веке эта последняя точка зрения стала популярной среди некоторых интеллектуалов Запада и получила название “деизм”. Эти исходные верования в природу или даже в отсутствие Бога влияли на личные взгляды представителей каждого лагеря и неизбежно вели к развитию представлений о сотворении мира. Платон приводит свое повествование о божественном сотворении в своем “Тимее” (Plato, 1937), а Лукреций обобщил механистические представления в своей поэме “О природе вещей”. Ко времени Лукреция Рим и Греция были охвачены всеми известными тогда верованиями; деистическое учение о неразделимости тела и души тоже стало повсеместным. Римский поэт Гораций (65—8 до Р. Х.) изложил эту безысходную позицию в строках, обращенных к его другу Торквату:

Грация стала смелей, повела в хороводе — нагая,
 Нимф и сестер-близнецов.
 Что нам бессмертия ждатель? Похищает летучее время
 Наши блаженные дни.

.....
 В круговороте времен возвещается месяцем месяц,
 Мы же, в загробную мглу
 Канув, как пращур Эней, или Тулл,
 Или Анк, превратимся
 В пыль и бесплотную тень.

.....
 Если ты завтра умрешь и Минос на суде преисподнем
 Свой приговор изречет,
 И красноречье твое, и твоя родовитость, и кротость
 К жизни тебя не вернут
 (Horace, 1911, 101).

Гораций излагает точку зрения, согласно которой, в отличие от бессмертных (обнаженных Граций и т. п.), человек смертен и срок его жизни ограничен. Умирая, мы возвращаемся в прах, и неважно, насколько добродетельны мы при жизни, — ничто не сможет вернуть нас из мертвых.

Иудейское наследие

В полную противоположность грекам и римлянам, потомки Авраама исповедовали безусловную веру в Единое Божественное Существо и в жизнь после жизни в вечном раю. Как в земле Изра-

Титульный лист шеститомного издания 1743 года книги Лукреция Кара (99—55 до н. э.) “О природе вещей”. (Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

ия, так и в изгнании жизнь иудеев всегда была полна жестких ограничений и самоконтроля; образ жизни повседневно регулировался Моисеевыми законами и правилами, за соблюдением которых следили священники. Последовательность религиозных праздников должна были служить постоянным напоминанием о прошлом. Иудеи верили в то, что их законы вручены самим Богом их патриарху Моисею и поэтому являются божественным откровением; что абсолютное подчинение этим законам необходимо для того, чтобы обеспечить их душам будущее на небесах, и, по-видимому, возможность этого предоставлена исключительно потомкам Иакова. Веру в законы Моисея поддерживали надежда на эту вторую жизнь и страх перед неизбежной утратой этой перспективы в случае неверия и отлучения. Кроме того, они верили, что этот же боговдохновенный автор описал Сотворение Земли и последовавшую кару — Потоп, поэтому нетрудно было включить эти события в систему их убеждений.

Затем пришел известный Плотник из Назарета. На основании собственного опыта Он рассказывал о сверхъестественном мире и о Вечной Жизни; открыто демонстрировал божественное превосходство над законами природы. Утверждение о Его чудесном рождении еще могло ставиться под сомнение, но Его смерть и Воскресение бросили явный вызов этим законам. Именно Воскресение было главным камнем преткновения для древних греков, но иудейские священники считали еще более возмутительным как Его заявление о том, что Он — Сын Божий, так и Его критику чрезмерного украшения ими Моисеева закона (Деяния Апостолов 17:31-32). Когда Он перед толпами людей задавал щекотливые вопросы о священстве, под угрозой оказывалось все их благополучие, и поэтому Его, как и Сократа, приговорили к смерти, но уже не от чаши с ядом, а римским способом — через распятие на кресте. Тогда же были и верившие не только в то, что есть более верный путь к вечной блаженной жизни, чем следование иудейским традициям, но также и в то, что это возможно и вовсе без раболепного подчинения священникам и всем их правилам и преданиям. На карту были поставлены интересы власть имущих. Последний удар ортодоксальному иудаистскому мышлению нанесло понимание того, что обетованная вечная жизнь — это не исключительная прерогатива иудейских законохранителей, а доступна каждому (Деяния Апостолов 22:21-22). Ясно, что такие идеи стали угрозой не только иудейскому образу жизни, но и иудейскому самосознанию как народа; с неизбежностью было организовано повсеместное преследование последователей Иисуса — в конечном счете все это новое движение рассматривалось как основанное на богохульстве.

Именно так зарождалось христианство. Первыми обращенными в христианскую веру были иудеи, но в течение нескольких лет последователями Христа стали не только они. Древние Писания иудеев, включая Моисеево повествование о Сотворении мира, были переняты первыми христианами. Для этих людей самых различных профессий, национальностей и возрастов откровение было реальным переживанием. Чудесные события продолжали служить напоминанием о том, что Богу угодно вмешиваться в дела людей, зачастую внедряясь для этого в законы природы. В конце концов это движение распространилось по всей Римской империи. Кое-кто в высоких кругах усмотрел, что озабоченность публики коррупцией в правительстве — дело рук христиан. Правительство ложно обвинило это движение в своих собственных неудачах и развязало массовое преследование христиан, чтобы этой эффективной мерой отвлечь внимание публики от своей собственной несостоятельности. К огорчению притеснителей, многие их жертвы, подобно Сократу, были внутренне убеждены в своем предназначении и тысячами бесстрашно шли на смерть в римских цирках.

Христианство и наука

История науки, играющей всеобъемлющую роль в нашей современной жизни, тесно связана с системами убеждений тех, кто причастен к выдающимся открытиям. В течение двух последних тысячелетий Западное полушарие стало свидетелем крупнейших научных достижений, основанных на иудеохристианской системе убеждений. Таким образом, история науки и история христианства взаимно перекрываются, и, чтобы понять одну из них, необходимо знать кое-что о другой. По этой причине разумное осмысление таких областей знаний, как дарвинская теория эволюции или исследования космического пространства, тесно связано с системами убеждений, исторически господствовавшими во времена их зарождения.

Создается впечатление, что необходимость добросовестного исторического анализа, в особенности в школьных учебниках, постоянно и намеренно забывается. Приводя сухие списки имен и дат, сведений о том, “кто” и “когда”, редко объясняют “почему”. Некоторые более честные историки, например, Стэнли Джейки (Jaki, 1978), отмечали, что один из недостатков их профессии — это тенденция историков отбирать те исторические факты, которые поддерживают их собственные предвзятые взгляды, как правило, противостоящие христианству. В качестве яркого примера Джейки приводит массивную Всемирную историю Вольтера, в которой автор высмеивает историческое христианство, затушевывая его значение.

“Ненаучный характер вольтеровского анализа истории легко видеть из того факта, что он, лишь один раз упомянув Христа, сразу

стал описывать переход Константина по Мильвианскому мосту. Не соглашаясь с тем, что Христос является плодом воображения, Вольтер в то же время тщательно отделял Христа от исторического христианства. Его яростный сарказм был готов обрушиться на любого, кто бы попытался установить положительную связь между христианским теизмом и наукой Ньютона” (Jaki, 1978, 315).

Однако нет нужды удаляться к Вольтеру, чтобы обнаружить тенденциозные исторические исследования. Янг (Young, 1974) недавно дал беспощадную отповедь обманным доводам и лицемерию, пронизывающим высказывания двух либеральных историков наших дней, Линн Уайт и Арнольда Тойнби, обвиняющих христианство в экологической катастрофе⁹.

Наконец, историки отказываются признать, что появление объяснений происходящего в природе, то есть естественных наук, исторически совпадает с возрождением первоначальной христианской веры в божественное откровение. Джейки, обращаясь к обильному фактическому материалу, убедительно демонстрирует связь между общепринятой системой убеждений и новыми открытиями в науке. Обращаясь к предшествующим векам, он цитирует современного историка науки Джозефа Нидхэма, признавшего, несмотря на свой нескрываемый марксизм, что китайская наука оказалась в тупике, утратив веру в разумного Законодателя или Создателя мира. “Без этой веры китайцы не смогли прийти и к вере в то, что человек способен обнаружить хотя бы некоторые из законов физической вселенной” (Jaki, 1978, 14). Поэтому, обращаясь к историческому тексту, научному или популярному, необходимо задаться вопросом о взглядах и убеждениях автора: консерватор он или либерал, правый или левый? Большинство, похоже, относится именно к последней категории. Будет честным признаться, что автор этого неизбежно краткого обзора нашего христианского и научного наследия придерживается подхода справа.

Латинская Церковь

На начальных этапах своего развития в Римской империи христианство страдало от постоянных преследований со стороны гражданских властей. В это же время сама Римская империя распалась из-за коррупции. И, наконец, в 312 году н. э. у Мильвианского моста, во время одного из многочисленных сражений с врагами Рима, император Константин радикально изменил свою позицию в отношении христиан и провозгласил союз для поддержки их дела, при необходимости — даже силой оружия! Константин приписал эти свои действия вмешательству сверхъестественной силы¹⁰. До того церковь действовала в основном подпольно, и местные лидеры или

епископы обладали только духовной властью. Теперь же один из епископов, проживавший в Риме, получил от Константина светскую власть. Это оказалось скорее проклятием, нежели благословением. Выборы каждого нового главы церкви, которых стали позднее называть папами, стали предметом политики властей, и в течение следующих семнадцати столетий выборы пап сопровождались кровопролитиями и интригами (Мартин — Martin, 1981). Первоначально выборы христианского лидера проводились по принципу народного консенсуса, который, как считалось, выражает Божью волю. Этот принцип отражался формулой *vox populi, vox dei*: глас народа — глас Божий. Очевидно, под водительством Константина Богу не часто предлагалось говорить голосом народа. Тем не менее впоследствии демократические идеи в Европе и Америке базировались именно на этом принципе, нарушаемом теми, кто стремился управлять как правительством, так и народом.

Освободившись от преследований, Латинская церковь стала наполняться верой и жизнью, но по мере роста светской власти коррупция стала разъедать ее сверху донизу. Крупнейшей проблемой была повсеместная неграмотность. Даже из горстки западных ученых лишь очень немногие могли читать Библию в оригинале на древнееврейском и на древнегреческом языках, и их познания ограничивались переводом на латынь, сделанный Иеронимом. Сочинялись различные фантастические толкования, в результате ставшие догмами, тогда как исходное значение безвозвратно затерялось как для священников, так и для прихожан среди аллегорий и преданий. Величайшим из всех аллегорических толкователей был Ориген (185—254 н. э.; Шотуэлл — Shotwell, 1923, 291)¹¹. “Темные века” с 400 по 1400 гг. были трудным временем, особенно для европейцев, и неудивительно, что в течение этого времени научный прогресс отсутствовал. Варвары смели Римскую империю; ученых сжигали на кострах вместе с их книгами; в деревнях царило беззаконие, а в малых и крупных городах миллионы жизней унесла чума. За это время было измышлено множество церковных преданий, сфабриковано чудес, а священные реликвии появлялись тоннами для поддержания веры (а также для финансовой поддержки со стороны невежд). Однако часто упускается из виду, что в это же самое время церковь строила больницы, давала единственное доступное образование, основывала университеты в Англии Европе.

В дополнение ко всем невзгодам Средневековья, в 622 году н. э. Европу начали завоевывать арабы-мусульмане. Корифеями науки громадной исламской империи стали арабы, сохранившие медицинские труды греческого врача Галена (130—200 н. э.) и научные труды Аристотеля. Крупные ошибки, совершенные обоими, были

способны задержать прогресс еще на тысячу лет. Не все арабские ученые того времени были мусульманами: многие из них были христианами, иудеями и персами, писавшими на арабском языке. Запад обязан Исламу рядом медицинских достижений, в математике — понятием “ноль” и теми цифрами, которыми мы пользуемся: не будь арабских цифр, мы все еще возились бы с римскими (Эдвардес — Edwardes, 1971, 52; Голдстейн — Goldstein, 1980, 97)¹².

Постепенно в Латинской Церкви появились образованные люди. В сотрудничестве с арабскими учеными были переведены на латынь классические работы греков, хранившиеся до того в виде переводов на арабский язык. К двенадцатому веку идеи греков, в особенности Аристотеля, стали более доступными и начали оказывать влияние на западных мыслителей. Старая Латинская церковь, полная преданий и суеверий, сделала еще один поворот к худшему.

Основоположник Римской церкви

После столь долгих лет интеллектуальной тьмы около 1200 г. н. э. западным ученым стали доступны наиболее передовые труды Аристотеля, например, “О душе”, “Физика” и “Метафизика”. Аристотель дал полное объяснение действительности без единого упоминания личности Бога. Иными словами, согласно Аристотелю, не было божественного вмешательства ни в дела человека, ни в природу. В этом его взгляды противостояли как христианской и мусульманской теологии, так и классическому иудаизму.

Все эти учения основывались на библейском откровении, согласно которому у физического мира было начало и будет конец. Аристотель же учил, что мир вечен и не имеет конца, а история представляет собой бесконечный цикл существования, стремящийся уподобиться “Неподвижной движущей силе”, но никогда не достигающий этой цели. Как уже говорилось выше, он отрицал и бессмертие души. Многие ученые — арабы, иудеи и христиане — могли видеть потенциальную опасность в такой системе взглядов и осуждали труды Аристотеля. С другой стороны, его натурфилософские мысли казались столь же привлекательными, как и удивительные откровения истины славных прошлых лет. Влияние трудов Аристотеля на мышление двенадцатого века было подобно влиянию работы Дарвина в девятнадцатом веке. Взгляды обоих были внешне привлекательны и обращены к рассудку, хотя и полностью расходились с откровением Священного Писания.

Доминиканский монах Фома Аквинский родился в Италии, учился в Париже и провел остаток жизни преподавателем в Париже и в Италии. Прозванный своими студентами “молчаливым быком” за грузность и медлительность, он приобрел впоследствии почти всемирную известность как канонизированный богослов.

Фома Аквинский (1225—1274). Ввел гуманизм в христианскую теологию. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто).

Возможно, для уверения в том, благословение свыше почивало на его трудах, легенда повествует, что однажды, когда Фома преклонил колена перед образом распятого Христа, ему было провозглашено: “Фома, ты хорошо написал обо мне; чего ты хочешь за свой труд?” Это — типичное предание тех дней, и оно ставит небезынтересную теологическую проблему целенаправленного божественного ответа Фоме, делавшему то, что строжайше запрещено, *in flagrante delicto* (застигнут на месте преступления — лат.). Тем не менее поработал он действительно неплохо. Несомненно, Фома Аквинский был одним из интеллектуальных гигантов; ученые нашего времени поражаются строгости, сложности и тонкости его мышления. Но при этом он пытался примирить непримиримое — аристотелевское “естественное” (натурализм) и библейское сверхъестественное. Его труды, направленные на это, составляют восемнадцать увесистых томов (Мэйджилл — Magill, 1963). В результате греческую философию удалось согласовать с библейским богословием путем отсечения у последнего того, что не удавалось в нее втиснуть. Например, по вопросу происхождения и судьбы Вселенной, утверждалось, что принятие как аристотелевских представлений о бесконечной вечности, так и библейских о начале и конце во времени и в пространстве, возможно лишь посредством веры, поскольку ни то, ни другое недоказуемо. Такое согласование было равносильно утверждению, что истинным не является ни то, ни другое, что явно давало место предрассудкам¹³.

Многие из взглядов Фомы Аквинского не были приняты в его время, но, поскольку дорога для подчинения божественного откровения человеческим рассуждениям была расчищена, в представлениях людей Бог стал отдаляться от Своего творения, и человеку теперь оставалось полагаться лишь на собственный интеллект. Так греческий гуманизм был внедрен в христианское богословие. Тем не менее доктринальный сдвиг в богословии не может идти с большей скоростью, чем это приемлемо для удалившихся в монастыри клириков, и поэтому минуло еще три столетия, прежде чем взгляды Аквината были официально утверждены Трентским Собором. Еще три века прошло до его посмертного причисления к лику святых и заявления папы Льва XIII от 1879 года о том, что богословие Фомы Аквинского, называемое томизмом, направляет веру и образ жизни более 600 миллионов римо-католиков мира.

Разделение Латинской церкви

Со времен Аквината в двенадцатом веке старая Латинская Церковь шла к великому расколу христианства. Если привязывать события к датам, то Трентский Собор, проходивший между 1545 и 1563 годами, можно формально считать точкой разделения. Вышедший из мрака средневековья богослов Джон Уиклиф, живший в Англии, признал, что принадлежащие к Латинской церкви знают о своей вере только то, что рассказано им монахами и священниками. В результате какие только измышления не возвещались во имя

Джон Уиклиф (1324—1384). Распространял среди народа рукописные Библии, положил начало возрождению веры в Европе. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

вечного спасения. Библии хранились у монастырского священства, читали их редко и только на латыни. Уиклиф перевел Библию на английский язык. Оставалось еще целое столетие до изобретения книгопечатания, и он делал рукописные копии, раздавал их людям. Так начался период осознания людьми того, о чем действительно сказано в Библии, а о чем — нет, в противоположность тому, чему их учили. В это же время ученым стали доступны латинские копии работ греческих философов и стали укрепляться позиции противоположного богословского лагеря. Церковные власти были обеспокоены возможностью возникновения щекотливых вопросов, но еще более — угрозой их денежным сундукам. Для устрашения “еретиков” некоторых из них публично сожгли на костре вместе с Библиями¹⁴. Вновь началось преследование христиан, и исходило оно из того же города — просто императоров заменили папы.

Позднее в Германии отца Мартина Лютера, профессора богословия Виттенбергского университета, стали беспокоить утверждениями его церкви о том, что якобы есть связь между финансовым вкладом в церковь в этой жизни и судьбой души в жизни иной. Читая Библию, он пришел к тому, что понять Бога невозможно ни с помощью естественных чувств, ни посредством рассуждений в духе Аристотеля; это возможно лишь с помощью “шестого чувства” — того самого таинства, которые ранние христиане называли “откровением”. Как и Уиклиф, Лютер торил дорогу Реформации, в конечном итоге приведшей к образованию протестантской церкви; это произошло в 1517 году.

Лютер жил после того, как Иоганн Гуттенберг изобрел печатный станок с наборным шрифтом, поэтому обеспечение простых

Мартин Лютер (1483-1546).

Отвергая всю теологию, основанную на традиции, он подчеркивал, что Бог раскрывает истину через веру читателя в Библию. (Литография Хаустона; Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

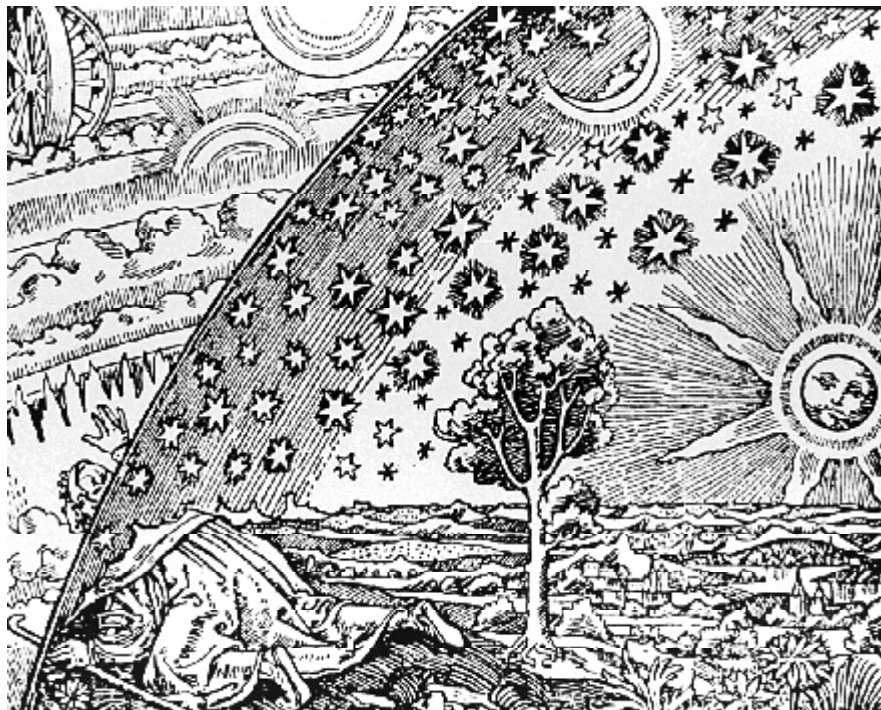
Иоганн Гуттенберг (1400—1468). При новом способе печатания, который был изобретен Гуттенбергом и введен в 1446—1448 гг., использовался наборный металлический шрифт вместо гравированной вручную доски для каждой страницы. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

людей Библиями на их собственном языке было для него менее сложной задачей. Подобно Уиклифу за полтора столетия до этого, многие на опыте убедились в том, что о Боге и Его творении можно знать из откровения, изложенного в Библии, и более того — что они могут уверенно отделять ложные знания от истинных. Это стало мощным инструментом выявления ложных утверждений Латинской церкви. Ватиканской иерархии стало мучительно ясно, что движение Реформации преследованиями не задушишь. Ни Святая Римская, ни Всемирная инквизиции, учрежденные в 1542 году, ни цензура с *Index Librorum Prohibitorum* (Перечнем запрещенных книг) не могли остановить распространение учения протестантской реформации. Тогда в рамках материнской церкви началось антиреформатское движение, кульминацией которого и явился Трентский Собор. На нем были выявлены многие прежние злоупотребления и детально разработана доктрина, основанная на теологии Фомы Аквинского. Это было началом Римско-католической Церкви в том виде, в каком она существует в наши дни, а также признанием протестантского движения с существенно иными доктринами. Римская доктрина в основном формировалась веками в рамках Латинской церкви и основывалась прежде всего на преданиях и власти папы. Протестантская доктрина варьировала от простого неприятия папы до полного отказа от всего, не утверждаемого Библией. Либеральные историки часто не способны разобраться в этих различиях и, как будет видно, когда речь пойдет о Галилее, с тех пор и до наших дней обвиняют христианство в том, что оно преграждает путь науке.

Дело Галилея

По-видимому, дело Галилео Галилея, судебный процесс над которым состоялся в Риме в 1633 году, было самым значительным в достижении кульминации конфликте между христианством и наукой (здесь мы имеем в виду иерархию Римско-католической церкви и развивающееся гуманистическое стремление к знанию). По поводу этого дела много написано и, разумеется, многое еще будет написано; Броновски (Bronowski, 1973, 214) считает, что в архивах Ватикана все еще хранятся нераскрытые документы. Во времена Галилея господствовали представления о космосе, соответствовавшие науке Аристотеля и включенные в богословскую доктрину Фомой Аквинским. Однако в средневековой картине небес наиболее значительным было влияние из Египта.

Птолемей Александрийский (85—165 н. э.), которого не следует путать с египетскими царями, носившими это же имя, был последователем Аристотеля и считал, что неподвижная Земля находится в центре Вселенной, тогда как Луна, планеты, Солнце и все звезды вращаются вокруг Земли, образуя ряд концентрических сфер.

Хрустальные небесные сферы Птолемея (85—165 н. э.). Эти представления были приняты Католической Церковью и провозглашались в поддержку ее толкования Библии о том, что Земля неподвижна в пространстве. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Он представил каждую такую полую сферу как бы изготовленной из прозрачного хрустала с вставленными в него небесными телами; таким образом, при вращении этих сфер тела эти перемещаются по соответствующим траекториям. Сочинения Птолемея оказались среди трудов, унаследованных от арабов, и его взгляды были приняты латинскими отцами. Хотя в Библии ничего конкретного не говорится о том, что вокруг чего вращается, они читали в Писании о Солнце: “От края небес исход его, и шествие его до края их” (Псалом 18:6), и им казалось, что это подтверждает картину, нарисованную Птолемеем. В результате геоцентрические представления (т. е. с Землей в центре) превратились в догму и стали считаться столь же священной непреложными, как и само Священное Писание, их как бы подтверждавшее (Кампанелла — Campanella, 1963)¹⁵. Однако церковники того времени вовсе не были такими невеждами, как порой нас заставляют думать. Критикуя эту позицию, Клайв Льюис пишет: “Вы прочтете в некоторых книгах о том, что люди средневековья думали, будто Земля плоская, а звезды — близки, но это ложь” (Lewis, 1948, 3). Сильно сказано, но реакцию Льюиса не могла не вызвать и классически резкая работа А. Д. Уайта “История войны между наукой и теологией в христианском мире”. Тем не менее, представление об этих громадных хрустальных сферах всерьез рассматривалось такими крупными учеными, как Иоганн Кеплер, который даже написал музыку, основанную на соотношениях, вычисленных из движения небесных тел. (Более успешная с музыкальной точки зрения и более долгоживущая попытка сделать это сохранилась до наших дней в виде прекрасного вальса Иозефа Штрауса “Музыка сфер”.)

Поэт Данте искусно связал представление о птолемеевых сферах с богословием¹⁶; однако у некоторых, например, у польского ученого католика Николая Коперника, имелись на этот счет серьезные сомнения (Милан — Milano, 1981). У Коперника не было телескопа, но из собственных наблюдений он заключил, что в центр нашей планетарной системы более уместно поместить Солнце, чем Землю. Он тщательно хранил эти мысли при себе, пока в 1543 году в возрасте около семидесяти лет он не опубликовал свое математическое описание гелиоцентрической системы и ко всеобщему удобству умер в том же году.

Галилео Галилей был низкорослым, деятельным и в высшей степени практичным человеком, профессором математики в Венеции, бывшей в то время центром не романтического туризма, а мирового искусства и торговли. Галилей прочел опубликованный Коперником труд и сделал себе небольшой телескоп, лишь незадолго до того изобретенный в Голландии¹⁷. В 1610 году он первым увидел, что

Николай Коперник (1473—1543). Отверг геоцентрическую систему Птолемея и выдвинул гелиоцентрическую систему, принятую в наши дни. (Гравюра Дэйрла; Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

теоретическая работа Коперника — великого ученого, жившего за полвека до этого, подтверждается результатами наблюдений. Естественно, Галилей пожелал поведать об этом миру. К сожалению, мир, а точнее — несколько представителей римской церковной иерархии, еще не были готовы принять эту новость. Ему посоветовали молчать. Что он и делал. Несомненно, он находился под влиянием воспоминаний о собрате-ученом Джордано Бруно, приговоренном инквизицией к сожжению на костре на площади Кампо деи Фиори в Риме. Ортодоксальная история представляет Бруно мучеником науки. На самом же деле он был приговорен не за науку, а за оккультную практику — деятельность, довольно распространенную, хотя и не типичную для светил науки (Йэтс — Yates, 1964). Галилей терпеливо выждал еще двадцать три года, прежде чем опубликовал свои открытия. В 1633 году состоялся позорный судебный процесс. После письменного отречения от своей работы Галилей был приговорен к домашнему аресту до конца своих дней.

Подробности этого судебного процесса легко найти и в других источниках. Было совершенно очевидно, что процесс этот надуман, и как судьбы ясно понимали, что обвиняемый, скорее всего, говорит истину. Вероятно, дело было в том, кто и как это утверждал. Судя по письменным источникам, добавления и убавления в католической доктрине осуществлялись медленно, в течение ряда поколений. Таким образом, изменения были менее заметны, чем если бы они происходили быстрее. Приняв систему Птолемея, Римская церковь сделала геоцентрическую систему Аристотеля частью своей догмы, но становилось ясно, что она ошибочна (Галилей — Galileo, 1960, 151). Однако мирянину, каковым был Галилей, не могло быть по-

Галилео Галилей (1564—1642). Не только увидел подтверждение теоретической работы Коперника, но и был свидетелем краха теории Птолемея в 1618 году, когда сквозь “хрустальные сферы” беспрепятственно прошли три кометы. (Гравюра Пьетро Беттелини; Нью-йоркская публичная библиотека.)

зволено подрывать общепринятые убеждения, дискредитируя таким образом священство. Поэтому Галилею пришлось замолчать. Причем не на костре, что сделало бы его мучеником, а в тиши домашнего ареста. С тех пор у общественного мнения был повод неистово чернить все христианство и утверждать, что богословы препятствуют прогрессу науки. Однако, с другой стороны, уместно заметить, что, если бы богословы не слушали ученого Птолемея, они не оказались бы в заблуждении с самого начала.

Ренессанс

Буквально слово “ренессанс” означает “рождение заново”. Словарь Вебстера определяет его как движение в Европе, переходное между Средневековьем и Новым Временем, начавшееся в Италии в четырнадцатом веке и продолжавшееся по семнадцатый век, и добавляет, что этот период был “отмечен гуманистическим возрождением классического влияния, выразившимся в расцвете искусства и литературы, а также зарождением современной науки”. Но это лишь половина дела, гуманистическая половина. Ренессансу способствовало изобретение около 1465 года печатного станка. На этих новых станках печатали главным образом труды древних греков и Библию, хотя, как и можно было бы ожидать, имеются также свидетельства расцвета мелкомасштабного производства порнографии¹⁸. Труды греков переводились на латынь для ученых, а Библию стали переводить на местные языки для простого народа. Труды древних греков возродили некоторые конкретные знания, но в целом их обесценивали как крупные научные ошибки Аристотеля и Галена, так и порочная практика сатанизма таким автором, как Гермес Трисме-

Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694-1778) в возрасте 24 лет. Вольтер был выслан из Франции в Англию за открытые насмешки над Римской церковью и монархией. (Гравюра Ф. Т. Стюарта по портрету Н. Деларгилиера. Архив библиотеки “Метрополитен”, Торонто.)

гист¹⁹. С другой стороны, Библия принесла духовное возрождение, исход из старой Латинской церкви и последующее разделение христианского мира.

На этой почве возникла современная наука. Традиционно считается, что она развивалась благодаря работам мыслителей-гуманистов, но внимательное изучение подлинно великих открытий показывает, что их основы были заложены истинно богобоязненными людьми, а не гуманистами. Великие законы движения, термодинамики и электрических явлений были открыты, в основном, в протестантских Англии и Германии, но значительный вклад внесла также и католическая Франция. К концу эпохи Ренессанса мыслители-гуманисты — такие, как Вольтер и Руссо во Франции и Локк, Юм и Милль в Англии, видели в религии корень проблем человечества и начинали рисовать в своем воображении социалистическую Утопию, где не было бы места ни священникам, ни королям. И снова большую роль сыграл печатный станок, на этот раз обеспечивая распространение гуманистических доктрин Вольтера, открыто высмеивавшего всякую власть, церковную и светскую, и управлявшего общественным мнением с помощью своих статей в весьма популярной “Энциклопедии” Дидро. Однако уже до этого в английской протестантской церкви был гуманист, который не только выдвинул утопические идеи, но и разработал научный метод, используемый в наши дни.

Научный метод

В истории Англии фамилия Бэкон встречается дважды. Первого Бэкона от второго отделяют три столетия, и именно второй сыграл важную роль в развитии нашего образа мышления, особенно образа мышления ученых. Фрэнсис Бэкон принадлежал к Англиканской церкви и посвятил жизнь юриспруденции и политике. Как человек образованный, он должен был изучать классиков, а именно: таких авторов, как Аристотель, в греческом оригинале. Хотя греческая наука, в частности Аристотель, не произвела на него большого впечатления, но, несомненно, на него повлияли изложенные этим философом принципы индукции как точного метода научного исследования.

Бэконовские индуктивные принципы таковы: проводятся первоначальные наблюдения, затем следуют один за другим эксперименты — вплоть до того, как рассуждения смогут удовлетворительно объяснить все полученные результаты. В этом “искусстве”, как называет свой метод Бэкон, из первого наблюдения необходимо извлечь некоторую умозрительную идею — точнее говоря, “рабочую гипотезу”. Затем ставится первый эксперимент для проверки этой идеи. Например, в результате наблюдения чувства могут подсказать нам, что более тяжелые предметы падают быстрее, нежели более легкие. Для проверки этой гипотезы простейшим экспериментом было бы одновременно бросить с высокой башни два разных предмета и наблюдать, какой из них первым долетит до земли. На самом деле оба предмета долетят до земли одновременно, если

Фрэнсис Бэкон (1561—1626), ученый-философ с социалистическими идеалами. (Гравюра Г. Райта Смита со старого оттиска Симона Пасса; Научная библиотека Дж. П. Робарта, Университет Торонто.)

только один из них не будет пером: в этом случае для более чистого эксперимента потребовалось бы исключить сопротивление воздуха. Из такого опыта была выведена теория гравитации, и после того, как не было выявлено никаких исключений, теорию объявили всеобщим законом. Его признают и в наши дни.

Все это весьма типично для мышления нашего двадцатого века, и можно было бы предположить, что ученые честно следуют бэконовскому методу, но это не всегда так. Существует чисто человеческая проблема: слишком часто, когда проведение экспериментов затруднено, теория закрепляется в сознании теоретика как факт уже после нескольких первых наблюдений. Теория обретает имя и репутацию, как, например, в случаях эйнштейновской теории относительности или дарвиновской теории эволюции; и тут уже нужно быть истинно великим человеком, чтобы продолжать сообщать обо всех фактах, даже о противоречащих теории, с риском утратить свою репутацию (Полани — Polanyi, 1955)²⁰.

Сэр Фрэнсис Бэкон написал свою самую известную книгу: *“Novum Organum”* (“Новый Органон”), будучи канцлером при короле Якове I, в 1620 году. В этой работе он предложил некоторые эволюционные идеи происхождения видов (Васон, 1876, 380). Вскоре после того, как была разрешена публикация этой книги, он был смещен со своего поста по обвинению во взяточничестве и отошел от дел, чтобы написать *“New Atlantis”* (“Новая Атлантида”), которая вышла после его смерти в 1627 году (Хесси — Hesse, 1970; Уэбстер — Webster, 1924)²¹. В этом утопическом сочинении, описывающем идеальное научное сообщество, он предлагал ученым объединиться в институтах и объединить свои работы и идеи. Позднее этот социалистический идеал дал жизнь Лондонскому Королевскому Обществу — предшественнику современных исследовательских учреждений (Крослэнд — Crosland, 1983).

Французские связи

Рене Декарт, названный “отцом современной философии”, был воспитан учителями-иезуитами и всю свою жизнь оставался католиком. Философским принципом первоклассного математика Декарта было мыслить рационально, начиная с первооснов. Мироззрение его эпохи в значительной мере опиралось на библейское откровение или же, в вопросе о геоцентризме (положение Земли неподвижно в центре мира), на то, что воспринималось как откровение. Научные открытия стали постепенно изменять это мироззрение, и в беспокойном море противоречивых убеждений Декарт выбрал себе в качестве якоря науку. Однако наука опирается на свидетельство человеческих чувств, и, хотя этого на первый взгляд было совер-

Рене Декарт (1596—1650).
Математик и физиолог, безуспешно
искавший человеческую душу и
пришедший к выводу, что человек
— всего лишь механизм. (Гравюра с
портрета художника Франца Хальса;
Библиотека “Метрополитен”,
Торонто.)

шенно достаточно, Декарт задался вопросом, можно ли полагаться на человеческие чувства при познании, и пришел к заключению, что нельзя. В итоге он усомнился во всем, в чем можно было сомневаться, и произнес свое знаменитое изречение: *Cogito, ergo sum* — “Я мыслю, следовательно, существую”, ставшее опорной точкой самосознания. Хотя это утверждение и исполнено логики, для Декарта оно было самой нижней точкой, с которой он начал выстраивать рациональную философию (Браун — Браун, 1977)²².

Декарт пытался разрешить дилемму о приобретении знания посредством чувств, утверждая, что, поскольку Бог добродетелен, он не допустит, чтобы в нормальных условиях чувства обманули человека. Однако этот довод проблематичен. Как можно знать, что является нормальным? Кроме того, эта позиция предполагает, что и человек добродетелен и, следовательно, не подвержен самообману. Но, как будет показано в последующих главах, самообман порождается предвзятыми идеями или пристрастием, что и лежит в основе многих проблем науки. Предвзятость заставляет нас слышать только то, что мы хотим услышать, и видеть лишь то, что нам хочется увидеть, и порой мы даже видим предметы наших ожиданий, хотя в действительности их не существует. Теперь уже все это отлично известно исследователям, однако по-прежнему предвзятость приводит к ошибочному толкованию данных.

С опубликованием в 1637 году декартовой “Лекции о методе” стали проявляться довольно пугающие следствия из его философии. В этой работе он рассматривает Вселенную как механизм, управляемый математическими законами. Он пытался сформулировать эти

законы, а когда сделал это, формулировки его оказались неправильными. Но идея о том, что Вселенная функционирует строго согласно математическим законам, была подтверждена законами гравитации, открытыми и опубликованными Исааком Ньютоном в Англии в 1787 году. Это была выдающаяся победа, так как она поддержала веру в то, что человек может исследовать природу, не прибегая к помощи откровения Священного Писания. Появился образец для других — тех, кто искал подобные законы, управляющие не только всеми явлениями природы, но и человеческими отношениями, обществом, государственным устройством, а позднее — и законы, управляющие человеческим мышлением. Открытие таких законов создает впечатление, что божественное вмешательство вовсе не обязательно, а свободной воли не существует, что упрощает картины Вселенной, всего живого, да и самого человека до схем простых механизмов. Декарт глубоко развил эти представления и изложил свои идеи в “Трактате о человеке”, написанном около 1630 года. В нем он утверждает, что тела животных и людей представляют собой лишь механизмы. Помня об осуждении Галилея в 1633 году, этот “Трактат” предусмотрительно опубликован посмертно — из опасения церковной цензуры. Однако эта работа, как и все прочие труды Декарта, впоследствии была внесена в католический Перечень запрещенных книг.

Декарт был последователем Аристотеля и в целом принимал его взгляды, за исключением касавшихся души. Аристотель утверждал, что душа не отделяется при смерти человека. Этот взгляд стал всеобщим, и поэтому считалось, что покойники нуждаются в христианских похоронах, а тело не должно было оскверняться из опасения нарушить покой “спящей души”. Знание о существовании души дается лишь через откровение, чего было недостаточно для рационального ума Декарта, чтобы признать этого утверждение научным. За все время интенсивной работы в области физиологии его чувства — зрение и осязание — не выявили никаких признаков души. Поэтому Декарт решил, что душа, вероятно, нечто мифическое, подобно “сокам тела”. С другой стороны, если принять идею Платона об отделяющейся душе, то в мертвом теле душу нельзя обнаружить, а потому и изучать.

Декарт изложил эти мысли в своем “Трактате” в виде предположений, и это было первым осторожным шагом к современному дуализму — концепции, согласно которой разум и тело — совершенно отдельные реальности (Фодор — Fodor, 1981)²³. Эти идеи вызвали как отрицание, так и признание существования души. Все это отнюдь не абстрактно, так как привело к практическим изменениям: с согласия церкви стали допускать вскрытие человеческих тел,

что обеспечивало прогресс медицинской науки. Однако интересно, что современные достижения медицины — например, относящиеся к психосоматическим расстройствам, — привели ко всеобщей критике картезианских представлений о душе, оставив медицине трудный выбор: признавать или отрицать то, существование чего наука никак не может прямо и строго проверить (Браун — Brown, 1971).

Жан Жак Руссо родился в семье протестантов, был обращен в римско-католическую веру и в конце концов полностью отверг христианство, став хорошо известным в интеллектуальной элите Парижа как “вольнодумец” (Бир — Beer, 1972). Будучи деистом, он категорически отвергал все библейские чудеса и оставлял Богу роль отсутствующего помещика, во многом — подобно Аристотелю и Декарту. Вопреки испытанному и установившемуся христианскому учению о том, что каждый человек ответствен за свою нравственную жизнь и должен стремиться избегать зла и греха, Руссо уверовал, что человек рождается добродетельным и лишь плохое общество развращает его. Одним из выводов этой концепции были его представления об идеальной системе образования, при которой детей следовало бы ограждать от развращающих влияний общества и естественно обучать всему, что они хотели бы изучать. Умозрительный взгляд Руссо не только не имели научных основ — их автору просто не подобало писать о таких вещах, как детское воспитание, так как он сам оставил в парижском сиротском приюте пятерых незаконнорожденных детей (Руссо — Rousseau, 1904)²⁴. Как ни странно, но с тех пор многие, гордящиеся своими рационализмом и объективностью, тем не менее поддерживали идею подобных обще-

Жан Жак Руссо (1712—1778). Отрицал библейское грехопадение и утверждал, что человек сохранил бы изначально присущую ему добродетель, если бы жил простой жизнью. (Портрет пастелью работы Жоржа ла Тура; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

На крышке этой табакерки XIX века отражена значительная связь между Американской революцией 1776 г. и Французской революцией 1789 г. Слева — Вольтер, в центре — Руссо, справа — Бенджамин Франклин в колпаке, скрывающем его экзему. (Музей искусств, Нью-Йорк.)

ственных преобразований. Таким образом, мы видим, что Руссо оставил заметный след в современной прогрессивной педагогике.

Еще одной идеей Руссо, имевшей далеко идущие последствия, была концепция “общественного договора”. На протяжении всей истории считалось, что цари, хорошие и плохие, правили по божественному назначению. Эта убежденность выходила далеко за пределы иудеохристианского Запада: например, вплоть до конца Второй мировой войны японских императоров считали назначенными Богом. Однако людям свойственно так или иначе бунтовать против божественного правления, и впервые в нашу эпоху такая конфронтация успешно разрешилась в 1215 году в Англии, в результате чего была подписана Великая хартия вольностей. Монарх был подчинен закону страны, перестав быть выше него. Однако во Франции короли по-прежнему пользовались божественными правами вплоть до Французской революции, начавшейся в 1789 году. “Общественный договор” Руссо, опубликованный в 1762 году, содержал радикальную светскую теорию правления, основанного на общей воле народа, а не на законах, ниспосланных Богом. Она проложила путь Французской революции, а также революции в Америке, провозглашенной в Декларации независимости 1776 года. Отстранив Бога от дел человеческих и объявив человека изначально добродетельным, Руссо положил начало периоду светского гуманизма, которому, как мы увидим, нужна теория эволюции — чтобы поддержать веру в то, что никогда не было и не будет никакого божественного вмешательства.

Переворот сознания

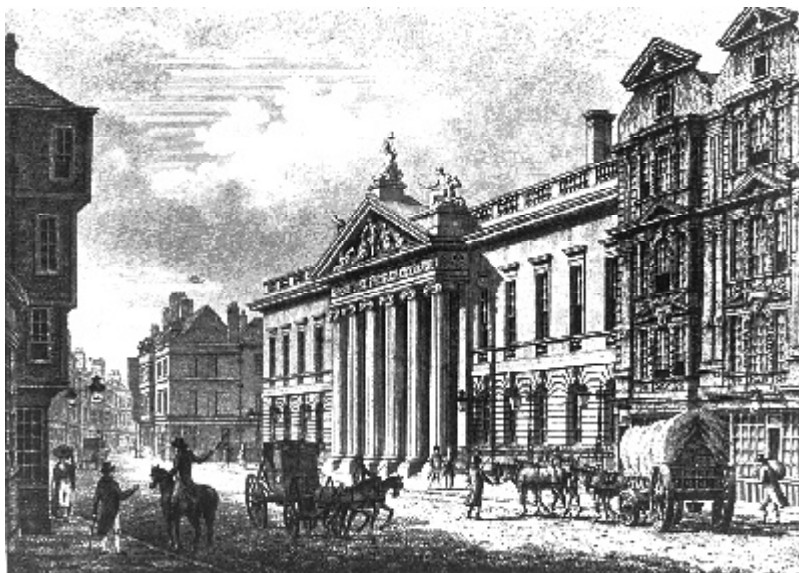
Как было сказано выше, период Ренессанса дал ряд образованных людей, которые разочаровались в ортодоксальных догматах, основанных на библейском откровении, оказавшемся связанным с

традициями и с коррумпированным папством. Вполне естественно, что это должно было породить открытый скептицизм. Его и отразили взгляды вольнодумцев — таких, как Вольтер и Руссо. Поиск истины заставил их повернуться от откровения к разуму, чему учили еще классические взгляды Платона, и даже в архитектуре того времени отразилось влияние греческого классицизма.

Открытие великих законов Вселенной в результате развития науки укрепило мнение, что вся существующая реальность строго подчинена этим законам, а понимание и открытие других законов с помощью науки — надежная гарантия власти. Более того — во Вселенной, подвластной законам, нет места для божественного вмешательства. Овладевая знаниями, человек наконец-то почувствовал, что получил свободу, чтобы стать хозяином своей судьбы. Таким образом, Ренессанс ознаменовал начало и современной науки, и современного социализма, и светского гуманизма.

Не требуется особой пронизательности, чтобы видеть, что власть в человеческом обществе принимает форму пирамиды, в которой умонастроения во всей конструкции являются отражением взглядов, господствующих на ее вершине. Вопреки общепринятому мнению, современные правительства устроены именно так, причем на вершине пирамиды часто оказывается просто номинальный глава, представляющий невидимых власть предержащих — тех, кто непосредственно под ним. Контролировать вершину — значит управлять страной. Ренессанс породил горстку идеалистов с утопическими мечтами, и в Англии пытались обеспечить их влияние на высшие эшелоны власти, в то время как структуры власти Римской церкви и французской аристократии явно были слишком хорошо укреплены, чтобы их можно было разрушить без особых усилий. В Англии интеллектуальный подход, лежавший в основе Промышленной Революции, оказался более успешным; но для того, чтобы расположить умонастроения большинства населения к принятию нового социального порядка, потребовалось все девятнадцатое столетие и значительная часть двадцатого. Во Франции в конце восемнадцатого века были необходимы более радикальные средства: народная революция казалась наиболее быстрым средством достижения благородной цели, а кровопролитие — лишь небольшой платой за это. Верили, что Утопия станет реальностью через несколько месяцев после того, как будут пущены в ход колеса революции.

Обычно считают, что причины Французской революции сводятся к нехватке продовольствия, которая и вызвала восстание народа, в течение продолжительного времени жившего под гнетом развращенной аристократии и духовенства. Однако многие авторы

Главная контора Ост-Индской компании на Леденхолл-стрит в Лондоне примерно в 1800 году. Здание является ранним образцом возрождения традиций греческой архитектуры. Расцвет этого возрождения пришелся на 1820—1840 гг. (Гравюра Уильяма Уоттса; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

отмечали, что были и другие, подспудные причины, подкрепляя это мнение обширными документальными материалами. Лорд Эктон в своих “Эссе о Французской революции” пишет: “Во Французской революции потрясает не мятеж, а замысел. Сквозь огонь и дым явно видны действия расчетливой организации. Руководители остаются тщательно скрытыми и замаскированными, но несомненно их присутствие с самого начала” (Рид — Reed, 1978, 136).

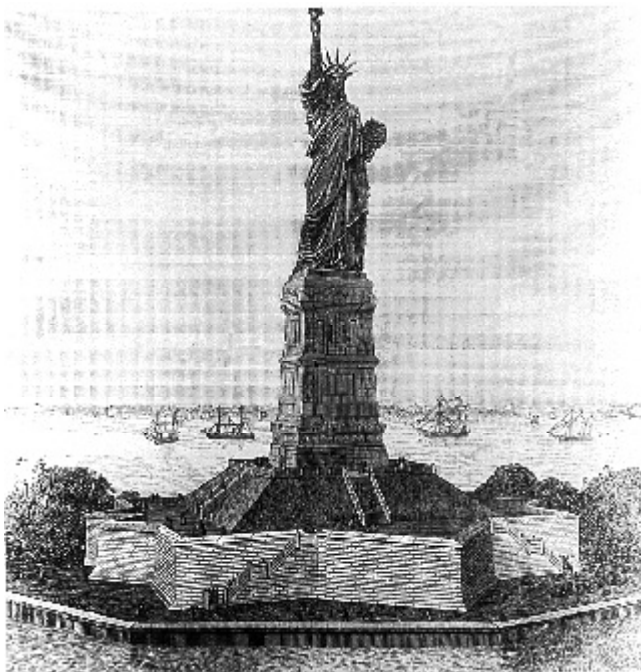
Здесь было бы неуместно детально разбираться в интригах, которые привели к недостатку хлеба. Во время революции погибли многие тысячи людей — не только в ходе самого восстания, но особенно в результате последовавшего разгула якобинского террора. В итоге король и церковь были сметены, а новое социалистическое государство провозглашено республикой. Расправившись со своим Божьей милостью королем, Франция как нация ниспровергла правление Бога — независимо от того, насколько слабым это правление представлялось. Вместо этого революционеры избрали комитет из безбожников для правления по законам человеческого разума. Историк Вальтер Скотт описывает публичное провозглашение этих изменений. В 1793 году Законодательная Ассамблея единогласно и единодушно отказалась от веры и поклонения Богу. После этого

Национальный Конвент, ставший правительством, организовал большую процессию. На открытую великолепную повозку подняли Богиню Разума, в которой все узнали барышню Кандей, танцовщицу из оперы, обладавшую хорошей внешностью, но сомнительной репутацией. Она совершила парадный проезд от здания Конвента до Собора Парижской Богоматери, где заняла подобающее богине место: ее возвели на высокий алтарь, откуда она могла принимать поклонение всех присутствующих. За этим последовало публичное сожжение Библий, и это представление было повторено несколько раз по всей стране (Скотт — Scott, 1827, 2:306).

Практически за одну ночь Франция исхитрилась проделать извилистый путь от римского католицизма сначала к атеизму, а затем к языческому идолопоклонству; немногие понявшие (как ранее Лютер), что божественное откровение — это более верный путь к истине, отправились в изгнание или легли в могилы. Кучка идеалистов, считавших, что один лишь человеческий разум ведет к Утопии, выглядела весьма победоносно. После того как были осуществлены радикальные изменения в общественном устройстве, настало время и для других радикальных изменений: традиционные системы мер и весов были заменены метрической системой, с тех пор, как и социализм, завоевывавший страну за страной; были даже серьезные попытки ввести метрическую систему времени с днем продолжительностью в десять часов и с десятидневной неделей, но, к счастью для остального человечества, многострадальные французы не смогли принять это нововведение, и оно так и не получило всеобщего признания²⁵.

Однако победа социалистов была кратковременной. В 1815 году монархия была восстановлена и удерживалась много лет. Тем временем оправилась и Римская церковь, хотя власть у нее была уже не та. По-видимому, с того самого злосчастного дня в 1793 году, когда Божье правление было формально заменено правлением человека, во Франции установилась беспокойная политическая атмосфера — одна республика сменялась другой, каждый раз явно чуть “соскальзывая” влево. Утопический эксперимент, начавшийся с насилия, не принес бесспорного успеха. Цель каждой революции — дать всеобщее счастье, и оно было безоговорочно декларировано в провозглашенных французскими революционерами принципах свободы, равенства и братства. Спустя почти двести лет мы видим результаты их усилий, и они незавидны. От свободы не осталось ни следа; от равенства — едва заметный след; что же касается братства, то даже и признаков его никогда не было. И все же, несмотря на

все это и на зловещую статистику промышленного развития этой страны на протяжении девятнадцатого и большей части двадцатого века, социалистический идеал распространился по всей Европе, где одна за другой исчезали властные головы, увенчанные коронами и митрами.

Статуя Свободы, подаренная французскими масонами Соединенным Штатам в 1886 году по случаю столетия революции 1776 года. Эта революция была не столь успешна в достижении своих целей, как Французская, и подарок запоздал. (Собрание автора.)